

Источник: Тендряков В. Ф. Под лежач камень... / В. Тендряков // Рассказы 1954 года / [под ред. В. Д. Раковской]. — Москва, 1955. — С. 628—650.

В. Тендряков

ПОД ЛЕЖАЧ КАМЕНЬ...

В городке Малое Плесо на центральных улицах дощатые тротуары, во дворе райкома на деревьях галчиные гнезда, две площади, Базарная и Школьная, речная пристань, работающая только весной во время полои воды, много контор и учреждений: райфо, райздрав, райторг, райтоп...

В райфо, как и положено, следят за финансовыми операциями, в райздраве заботятся о больницах и амбулаториях, в райторге — о магазинах и чайных, в райтопе — о заготовке дров для населения. У всех свое дело и свои заботы. Но три раза в году эти учреждения заметно пустеют. Наиболее видные работники из них выезжают на весенний сев, на сеноуборку и уборку хлебов в колхозы по поручению райкома партии и райисполкома. Прежде их называли уполномоченными. Но с некоторых пор слово «уполномоченный» стало слишком резать слух районным руководителям, поэтому теперь зовут более мягко — «представители».

Два таких представителя райкома торопливо шагали через луга, выбирая более короткие тропинки. Из густой травы, от корней тянуло сырой прелью. Плясали бабочки в синем воздухе.

Задевая голенищами сапог свесившиеся к тропе головки ромашек, инструктор райкома Иван Ануфриевич Тулупов наставлял своего спутника:

— Обрати внимание на технику. Большой вопрос! Потом — дисциплина...

Его спутник, молодой агроном Сергей Княжнин, слушал и молчал. По размашистому шагу, счастливому молодому лицу и по тому, как нетерпеливо и жадно вздрагивали его ноздри, когда легкий ветерок приносил смутные запахи вянувшей травы (где-то в стороне начинали косить), было видно, что ему нравится шагать налегке в это солнечное утро. «На технику обрати внимание... Дисциплина... — думал он. — Уж слишком простые вещи, известные как дважды два...»

— Силосные ямы проверь... Посмотри, силосорезки в исправности ли...

Ипполита Ипполитовича, учителя гимназии из рассказа Чехова, напоминал Сергею сейчас Тулупов. Тот тоже говорил известные всем истины: «Волга впадает в Каспийское море... Лошади кушают овес и сено...»

Сергей пять лет назад ушел в институт из села Панково. Оно недалеко отсюда, всего день езды по ухабыстым дорогам.

Из института получил направление в свою область, в город Малое Плесо, на государственный сортоиспытательный участок.

Когда-то под городом была маленькая деревня. Она так и называлась — Подгородье. Теперь Подгородье хоть и срослось с городом, но здесь попрежнему колхоз «Путь Ильича». На земле этого колхоза и расположился госсортучасток.

Тихая работа Сергею не нравилась. У него в кармане партбилет и диплом агронома с государственным гербом на обложке. Многие ребята из института об аспирантуре мечтали: опытное поле, микроскопы, кабинетная тишина, толстые фолианты да исписанные листы диссертации... Жизнь велика, к преклонным годам и этим можно заняться. А пока молод, получай практику. Не опытное поле, а колхозы!.. Там бы в землю по локоть руки запустить!

В райкоме партии словно угадали его желание. Сам товарищ Горновой разговаривал с ним.

— Вошел в колею, пригляделся к своей работе? — спросил он.

— В основном да, — ответил Сергей.

— Как члена партии, как специалиста мы решили послать тебя на время сеноуборки в колхоз «Ударник». Знаю, будешь возражать: почему-де не используем в «Пути Ильича»... Но пойми: этот колхоз под боком и у

райкома и у райисполкома. Там без тебя хватает кому присмотреть. А «Ударник» — глухой колхоз, двадцать два километра от районного центра, в лесах спрятался. Вот где нужен глаз партийца и агронома!

Не в пример другим, Сергей не отговаривался крайней занятостью, перегрузкой срочной работой.

Теперь он шагал вместе с инструктором райкома Тулуповым.

На вертлявом, выдолбленном из толстого бревна дубасе они переплыли через реку и распрощались.

Повесив на руку порыжевший пиджачок, отирая фуражкой пот с лысеющей, покрытой младенческим пухом головы, Тулупов двинулся к виднеющимся вдали крышам деревни Долгово, в колхоз «Новое время», счастливо разместившийся среди обширных заливных лугов.

Сергею надо было пройти еще километров восемь в сторону от реки, вглубь лесов.

Тенистые мягкие лесные дорожки, пахнувшие грибами, хвоей и малиной, тишина кругом, влажная прохлада — не утомительно шагать, легко на душе, отдыхает тело, приходят мысли ясные и легкие. Все на свете кажется простым, любые трудности по плечу. Хотелось вытянуть колхоз из убожества! Доказать людям не на словах, на практике: нет плохой земли, есть плохие хозяева!

Один в березовом лесу, заполненном солнцем, Сергей чувствовал в себе неясную пока еще силу, и от этого радость душила его.

Чужой для леса запах теплого меда заполнил воздух. Впереди показался просвет, деревья раздвинулись. Сергей вышел на поле клевера. Оно тяжелым бархатным розовым ковром лежало по обе стороны дороги. За ним, подняв над низенькими крышами колодезные журавли, — деревенька.

С краю у деревни подле амбара стоял трактор. По всему видно, что стоит он тут давно, чуть ли не с самой весны. Лопухи и крапива подпирали под радиатор, колеса под гусеницами опутала повилика. И Сергею вспомнился Тулупов: «На технику обрати внимание...» Усмехнулся снисходительно: «Обратим, не упустим...»

Председателя колхоза Сергей не застал. Тот ушел на покосы. В правлении, обычной, с полатами и могучей печью, избе, куда лишь был занесен забрызганный чер-

нилами конторский шкаф, душно; скучно ноют мухи на оконных стеклах. После березняка с солнечными зайчиками по белым стволам сидеть и ждать председателя было тяжело. Самому бы выбраться на покосы, да, не зная места, заблудишься.

— Может, и к ночи не придет председатель? — спрашивал Сергей.

— Может, и к ночи, — отвечал бухгалтер, неразговорчивый человек, несмотря на жаркий день, сидевший за столом в картузе с козырьком, надвинутым на глаза.

Но выручил случай. Под окна конторы, громыхая, подкатила телега.

— Вот с ним можно ехать на покосы. Он туда продукты везет, — указал на окно бухгалтер и закричал: — Тимофей!.. Обожди, товарищахватишь!

Выбракованный по старости жеребец, но сохранивший еще остатки былой стати, медленно тянул телегу через поля. У Тимофея, нового знакомого Сергея, было мягкое бабье лицо, кожа белая, не загорающая на солнце, нос лупится, по лицу и рукам частые веснушки. Прежде чем начать разговор, он долго через плечо приглядывался к Сергею.

— По какому вопросу к нам?

— Вопрос известный. Побаиваются, как бы вы с сенокосом не отстали.

— Так, так, побаиваются... Н-но, дедко! Шевелись! — прикрикнул на жеребца Тимофей. — Стар, не тянет... Что ж, может, и поможете. Работников мало — вот беда... Сравнить с прошлым, наполовину нету людей-то. А лугов столько же осталось. Раньше-то следили за лугами. Каждый хозяин за свой клочок стоял: кустик поднимется — вырубит, кочка торчит — срежет. А нынче руки не доходят. Заросли луга, смотреть больно. Планы-то спускают старые, по ним вроде бы ничего не зарастало.

Телега начала тряско подскакивать на сосновых корневиках. Сергей и Тимофей сошли на землю.

— Дороги-то у нас — едешь и язык бережешь, а то ненароком откусить можно.

Некоторое время шли молча, держась руками за грядку телеги. Сергей задумался.

«Сила уходит в город... машинами она должна заменяться, машинами! Истина перепетая, в учебники вставленная, на газетных листах примелькавшаяся, а в жизни

не могут еще уходящих людей заменить машинами. Нет равновесия!..»

Лесная речка Пашутка, с бочагами, где со ржавым отливом вода стоит неподвижно, с перекатами на золотистых камешниках, вся переплетена кустами ивняка и смородины. По берегам эти кусты стоят плотной стеной, не в каждом-то месте прoderешься. От стены на лужок отбежали отдельные кустики. Лужок узок, так как с другой стороны напирает угрюмый ельник. В иных местах кусты вбегают в лес и тихонько шелестят среди высохших шишковатых стволов. Здесь луг обрывается. Через несколько шагов снова узкая полоска, поросшая крепкой лесной травой, снова кусты закрывают ее — и так все время. Это и есть сенокосные угодья колхоза «Ударник». Даже простая пароконная косилка бесполезна здесь: через каждые два шага ее ножи будут наткаться на кусты. Что и говорить о сложной, тракторной!

Председатель колхоза Петр Данилович, в чистенькой белой косоворотке, невысокий, тихий, даже несколько робкий человек, сперва держался с Сергеем с вежливой натянутостью, но мало-помалу разговорился, стал жаловаться.

Они улеглись в тень, под куст на прохладную траву. Из-за куста тянуло крепким смородиновым запахом.

— Ежели всю землю считать: и под лугами, и под лесами, и под пахотой которая, — велик наш колхоз! Семь тысяч га! Легко сказать. А коров всего сто голов. На каждую по семьдесят га приходится, и не можем прокормить. Гектары-то все пустые — лес-чащоба да болота, мох сплошной. — Голос у Петра Даниловича негромкий, устало-спокойный, говорит без вздохов, без обиды, чувствовалось: он сам привык к таким жалобам. — В прошлый год кормов не хватило, пришлось десяток зарушить на мясopоставку... Какие-то колхозы вперед идут, богатеют, а нам что ни год, то труднее.

— С косами не разбогатеешь. Машины-то стоят, — вставил Сергей.

— А как им не стоять? Среде наших пней не развернешься. Не пожалуешься, не обходят нас, каждый год шлют и комбайны самоходные и косилки. Да что толку, диковаты наши места. Нам бы допрежде комбайнов лучше корчеватели и кусторезы прислали. Пришло в район четыре трактора «С-80» да два канавокопателя. Стоят.

— Это почему?

— У нас четыре МТС. Разделили по ним тракторы, каждой по одному «С-80», чтоб не обидно было. Один трактор, пусть он и в восемьдесят сил, не потащит канавокопатель. Такой плужок — лемех чуть не с человека ростом — только пара тракторов тянет. Директора МТС друг с другом переругались, один у одного выпрашивает: дай мне, буду начинать осушку болот, другой — нет, мне, чем я хуже? Все хотят в этом году начинать, на будущий-то, может, пришлют сразу не по одному канавокопателю с тракторами. Спорят, а канавокопатели ржавеют. Хоть бы догадались, жребий кинули... Мы вот на таких клочках с косами топчемся, а за Роговским почином болото гектаров на сто лежит, что стол ровное, какие бы луга там были!..

Петр Данилович, возможно, долго бы лежал так, тихим, как шуршание сухого сена на ветерке, голосом жаловался. Но Сергею и этого было достаточно. Тяжело стало на душе. Диплом в кармане, пять лет института. Проборонование дерновины, подсев эспарцетом и клевером — книжные, неоспоримые истины! До них ли здесь, когда сложные тракторные косилки стоят под навесами, а коса-матушка — попрежнему госпожа на лесных лугах!.. Чем помочь? Как?!

Чтобы привести в порядок нахлынувшие мысли, успокоить себя, Сергей, скинув пиджак, взял у одного паренька косу и с ожесточенным наслаждением принялся валить траву. Трава была твердая, коса быстро тупилась: плохая лесная трава! Сергей знает: в ней много клетчатки, но мало протеинов... Знает! Но что в том толку?.. К плечам, к спине прилипла рубаха...

Петру Даниловичу неудобно было оставаться в стороне, когда представитель райкома работает. Он тоже взял косу. Смолкли шутки, пересуды среди женщин, всех заразил Сергей своим угрюмым ожесточением. Кончали один кусок луга, торопливо переходили на другой, молчаливо и жадно набрасывались на траву...

Под тяжелой лохматой еловой лапой, как дорогая новогодняя игрушка, висела крупная, переливчатая голубая звезда. С разбитым телом, успокоившийся, лежал в

копне сена Сергей. Сон не шел. Над не остывшим после работы лицом пели комары.

В ночной тишине мысли шли спокойным порядком, не путаясь, не мешая одна другой...

«Ни осенью, ни зимой ни райком партии, ни райисполком не послали сюда, в «Ударник», специалиста. Не заставили: готовь загодя колхоз к сеноуборке, приглядишься, где слабые места, продумай, как их исправить. Нет, поднялась трава, пришла пора браться за косы, тогда только схватились: поезжай, покрикивай да подсказывай!.. И еще победы ждут. От кустов очистить, пни выкорчевать, болота осушить — вот о чем надо думать. Будущему году нужна помощь».

Сергей разогнал толкующихся над лицом комаров, поднялся, пошел к соседней копне, из которой торчали два заскорузных сапога, потряс один из них.

— Данилыч, проснись-ка!..

Сено зашевелилось, поднялась голова Петра Даниловича, повязанная, чтоб не лезло к шее сено, женским платком.

— Случилось что? — спросил председатель хрипаватым спросонья голосом.

Сергей опустил ся рядом.

— Давно случилось. Пора бы уж спохватиться. Скажи: много так вот простаивает тракторов?

Петр Данилович сперва недоуменно помаргивал, потом вдруг не к месту широко улыбнулся.

— Ты чего? — удивился Сергей.

— Да уж прости, вспомнил я... Наш брат, председатель, первым делом гостя из района спрашивает: «Куда пойдем, в контору или на поля?» Скажет: «Пошли в контору, побеседуем», — значит, ничего, спокойный человек. Понаставляет: так, мол, и так. Ты послушаешь — и все ладно. А коль подвернется: «Нет, давай на поля, не из окошка любоваться приехал», — тут уж берегись. Выведет, начнет пушить: и то плохо, и это нехорошо!.. Случается, наскочишь на горяченького... Вот тебя за такого принял. В лесные луга пришел, ну, думаю, будет грому. Ан нет, пригляделся — не из тех...

— Ладно, давай о деле. О тракторах скажи.

— О тракторах-то... Да хватает их, неисправные и исправные — всякие стоят. Иногда жаль лошадей мучить, да прикинешь: лес, буераки, куда уж машину тащить, а

и потащишь — сломается... Ненадежное дело в наших местах машина.

— А почему бы те тракторы, что лопухами зарастают, на расчистку хотя бы таких лугов не пустить?.. Кусторезы можно и самим сделать, не такой уж и сложный механизм...

— А дороги-то... Сам видел, не по воздуху сюда прилетел. Прежде чем трактор к делу приставить, его надо на место довести. По нашим дорогам без аварий не проведешь. Ровнять надо дороги, слезками устилать, кой-где расширять, может, и новые просеки рубить. Кто ж осмелится на такое?

— Под лежач камень вода не течет.

С платком, по-старушечьи повязанным на голове, широкоскулое, грубоватое лицо Петра Даниловича было сосредоточенно-грустным.

Стояли дымчатые сумерки белой ночи. Только самые крупные звезды бледно горели на небе. Сквозь речные кусты на сырую скошенную луговину лениво сочился серый туман. Они сидели в разваленной копне, среди размякшего от ночной сырости сена и говорили о том, как в глухие углы леса бросить силу машин. Сергей горячо убеждал: «Надо требовать! Надо добиваться! Всех сверху до низу расшевелить». Петр Данилович осторожно, с холодком в голосе поддакивал. В глубине же души, он не верил: «Оно так, под лежач камень вода не течет. Но дело-то великое, а большие дела с больших людей начинаются. А кто они? Один — председатель из самых что ни на есть неприметных, другой — агроном. Мало ли таких в районе!»

Он обгорел на солнце, щеки заросли черной щетиной, ладони стали твердыми и шершавыми: приходилось часто братья за косу. Да и чем он еще мог помочь? Покрикивать, подгонять?.. Нет, уж лучше самому показать, как надо работать. Правда, невелика помощь, не поднимешь этим колхоз.

Сергей решил встретиться с секретарем райкома партии Дмитрием Максимовичем Горновым.

Тимофей, ездивший в сельпо за товаром, сообщил, что Горновой у соседей, в колхозе «Факел Октября», часа через два поедет обратно, можно перехватить его на дороге.

Был вечер. Вода в маленьком полузатяннутом хвосте-
цом озерке казалась маслянисто-тяжелой. Запыленные
цветы при дороге клонились к земле. Воздух неподвижен.
Небо чисто, не видно, чтоб где-нибудь на дальний лес
навалился край темной тучи, но чувствовалось: быть
грозе. В колхозе «Ударник» почти везде, где только мож-
но, скосили, а план выполнили только наполовину. Ког-
да-то давно были распределены покосные участки, зане-
сены на землемерческие чертежи. С тех пор много воды
утекло, много позарастало непролазным кустарником, а
план как спускался из расчета на выделенные угодья, так
и теперь спускается.

На дороге вырвалась легковая машина. Таща за собой
тревожно розовый, как дым пожарища, хвост пыли, она
стала приближаться. Сергей остановился.

— Чего надо? — грубовато спросил высунувшийся
шофер, но уже за его спиной раздался бодрый, с хрипот-
цой басок Горнового:

— Это, видать, ко мне.

Из-за блеснувшей на закате лакированной дверки
выскочил на дорогу секретарь райкома. Выгоревшая, на-
двинутая на брови кепка, из-под козырька маленькие
твердые глаза, крепкий подбородок, ладонь широкая,
пожатые мужское, сильное. Горновой когда-то был ветери-
нарным врачом на конезаводе, скакал верхом по степ-
ным выпасам, делал прививки, нужно — умел смирить
необъезженного жеребца. До сих пор в его обличье оста-
лось что-то грубоватое, протестное, какая-то степная
неуклюжесть.

— Здравствуй! Что-нибудь сообщить хочешь? — спро-
сил он.

— Поговорить хочу, — ответил Сергей.

Через минуту машина неслась дальше, а Сергей рас-
сказывал секретарю райкома про убогие лесные покосы
колхоза «Ударник», про кусты, с которыми не хватает
сил бороться, про стоящие без дела тракторы и косилки.

— Кому ты рассказываешь? Ведь я, милый, лучше
тебя все это знаю.

— Дмитрий Максимович! Пора бить тревогу! Все
знают и молчат! Да разве нельзя в районе своими сила-
ми кусторезы сделать? Нельзя разве эти зарастающие
крапивой тракторы заставить корчевать пни? Конечно,
лучше бы с заводов мелиоративные машины получить.

А может быть, они в других местах нужнее. Сложь руки сидеть, что ли?

Горновой крикнул: «Эх! Горячка!» — пошевелился на сиденье.

— Верно! — произнес он. — Но верно-то, брат, теоретически. Мы все в молодости куда как ретивы бываем... Ты думаешь, меня все это за сердце не брало? Гляди: поседел от этих вопросов! — Горновой сдернул фуражку. Над широким, в крупных морщинах лбом туго вились мелкие колечки с сединой пополам волос. — Видишь? Так вот слушай, как оно обычно в жизни получается. Кусторезы, бульдозеры разные из сосны не вырубешь. Надо железо, и не простое железо, а сортовое. У нас же во всем районе конца стального троса днем с огнем не стыщешь. Пень вывернуть, — кажется, немудреное дело, но ведь на этот пень пеньковую петлю не накинешь: лопнет под трактором. Требовать машины... Гм! Заводы-то нажимают на комбайны... Слышал: два канавокопателя на весь район! Два! По нашим болотам их сотни нужно!

— Ну, канавокопатели — специальные машины... Но стальные тросы! Чтоб из-за них да в колхозе жизнь застывала?! Косами по старинке махают, косилки ржавеют без дела, тракторы лопухами зарастают! Тросы! Ведь мелочь!

— Мелочь?.. Да! Вся и беда-то, что мелочь. Крупного-то легче добиться. Колышком дубовую дверь не высадишь, а бревном можно. Заикнись в обкоме партии о стальном тросе, ответят: «Не по адресу стучишься». А новые комбайны подбросить — помогут.

Сергей молчал. Но в душе он не соглашался с Горновым. Стальные тросы и тракторы, зарастающие крапивой, — какое-то недоразумение! Разве нельзя его выяснить!

Дождь обрушился на них уже в городе. В открытые окна кабинки ударила облегчающая свежесть.

Прощаясь, Горновой сказал:

— Завтра в шесть — бюро. Приходи, поговорим на людях.

Обсуждалось отставание в сеноуборке колхоза «Факел Октября».

Председатель «Факела», высокий человек с косицами

волос на крепкой коричневой шее, плачущим голосом оправдывался:

— Нету народу-то...

При этом он беспомощно разводил зажатой в кулак кепкой.

— У всех народу не густо, да управляются, — возражал Горновой, прочно сидевший за своим письменным столом.

Сергей слушал и думал о колхозе «Ударник». Сейчас он идет в ногу с другими, но с завтрашнего дня, в крайнем случае с послезавтрашнего, остановится, и уж никто не сможет его продвинуть вперед. Все скошено, а план не будет выполнен, на следующем бюро место председателя из «Факела» займет Петр Данилович, не забудут и его, Сергея.

Заседание подходило к концу. Председатель «Факела» уже перестал возражать, сидел, опустив голову. Кой-кто пересел со своих мест на подоконники покурить в открытое окно. Сам Горновой не курил и не выносил табачного дыма.

— Дмитрий Максимович, разрешите мне слово, — попросил Сергей.

Горновой понимающе взглянул на него и кивнул головой: «Прошу».

— То, что мы обсуждаем, даем нагоняй — это не спасает такие колхозы, как «Факел Октября», — начал Сергей. — Я здесь выступаю как коммунист среди коммунистов и, уж пусть простят, не собираюсь выбирать выражения. Райком и райисполком стараются спасти положение разговорами на заседаниях да еще рассылкой по колхозам уполномоченных, погоняльщиков!.. Спасение не в этом. Наше спасение в машинах!..

Сидевшие на подоконниках побросали окурки на двор, поспешно вернулись на свои места. Председатель «Факела» поднял голову, лицо его выражало откровенное удивление и скрытый страх: «Ой, запорешься, парень. Заключают...» Один Горновой оставался внешне спокоен. Он слушал, поглаживая широкий лоб.

— Машины шлут, а развернуться им негде. Колхозы укрупнились, а поля как были, так и остались мелкими — клочки среди лесов!

Директор близлежащей к городу МТС, крупноголовой, стриженный ежиком, прозванный «Голосистым» за

свой крикливый, беспокойный характер, не выдержал, шлепнул по коленке ладонью.

— Так, парень, крой! Давно пора заговорить. От опасности прячемся, как страусы: голову под крыло, хвост наружу!

Горновой неодобрительно посмотрел на него, покачал осуждающе головой: «Не мешай выступать!»

— Людей мало, машины используются с пятого на десятое. На что еще надеемся? Пора спохватиться!

Сергей, взволнованный сел, стал шарить по карманам носовой платок, чтобы вытереть с лица пот.

— Мне слово!.. — директор МТС, не дожидаясь решения, вскочил.— Шепотком мы часто говорим об этом, а пора кричать! Пора! Отпустите мне добавочный лимит горючего, дайте цепей, канатов, завтра же начну заключать новые договоры с колхозами на раскорчевку.

— Дайте! — перебил его Горновой. — А у кого ты просишь? У меня? Рад бы всей душой, да не имею!

— Добыть надо! — круто повернулся директор.

Разгорелся спор, никто уже не следил за порядком заседания. Заговорил главный агроном райсельхозотдела Мокрецов. Из угла, покрывая всех густым баритоном, подал голос директор самого крупного в городе предприятия, сушильного завода, Певунов. Ему стал возражать председатель райисполкома Омшарский. Горновой не сдерживал спорящих, не призывал к порядку, сам был внешне спокоен: бросал реплики, но больше слушал.

Забывтый всеми председатель «Факела» искоса с уважением разглядывал Сергея.

Расходились. Как обычно, добрая половина собравшихся сгрудилась у стола секретаря райкома, решая на ходу свои, не относящиеся к заседанию дела. Сергей уже хотел незаметно выйти, но Горновой через голову обступивших бросил:

— Обожди.

К Сергею подошел инструктор Тулупов и начал повторять только что сказанное другими на заседании:

— Канатов стальных у нас нет. Мелиоративные машины — вопрос больной, но заводы нам не подведомственны.

Горновой, распустив людей, сел рядом с Сергеем, положил ему на колено свою крепкую ладонь, заглянул в лицо. Тулупов почтительно посторонился.

— Разбередил ты мне, Сергей, сердце, — произнес Горновой, и в голосе его услышал Сергей непривычную доброту. — Я-то сейчас возражал, а думал совсем другое: мы свыклись, приучились не замечать, а ты пришел, глянул свежим глазом и поднял то, что на поверхности лежало, показал: «Вот где сермяжная правда».

— И все же возражали? — произнес Сергей. — Поспорили мы, пошумели, а ничего не решили...

— Для того и возражал, что решать пока рано. Решим, в бумаги запишем, а потом признавайся: не выполнили решения... Завтра меня вызывают в обком, буду там требовать и настаивать. Выйдет дело — приедем, соберем людей и уж тогда решение вынесем, наступать начнем. Разбередил ты меня...

Провожал к дому Сергея Тулупов, он с самым невозмутимым видом, обычным тоном наставника бубнил сейчас уже совершенно другое:

— Очень важный вопрос затронул. Теперь предстоит задача — вырвать хотя бы стальные тросы. Тогда можно будет развернуть корчевку и распашку новых площадей...

Сергей не слушал его и улыбался своим мыслям: расшевелил Горнового, а это уже много, начало есть, лежач камень шевельнулся.

Сергей считал дни и часы, когда должен вернуться из области Дмитрий Максимович.

Крепла надежда: задерживается — значит время впустую не проводит, добьется, чего нужно.

Росла радость, несколько тщеславная, ревностно скрываемая от всех; землю расчистим, машины на простор выпустим — великое дело! А кто первый слово бросил? Я!

Вместе с радостью росла и благодарность к секретарю райкома: не всякого так просто разбередить можно, не всякий бы так чутко прислушался, не чиновничья душа, нет!

Сергей был на участке, около грядок с элитной рожью, когда узнал, что вернулся Горновой.

Сбегав домой, переодевшись в праздничный костюм;

купленный еще на пятом курсе института, он направился в райком.

Сейчас он войдет, Дмитрий Максимович поднимет свою тяжелую, с крупным лбом голову, взглянет открыто, протянет руку, крепко пожмет. Даже просто встретиться, снова увидеть его приятно.

Но Горновой не поднял головы, не отрывая взгляда от разложенных на столе бумаг, кивнул: «Садись».

С минуту стояла тишина. Сергей разглядывал седеющие кудри на склоненной голове секретаря райкома. Наконец не выдержал молчания, произнес:

— Я пришел узнать, Дмитрий Максимович.

И Горновой словно ждал этого. Уронив широкую ладонь на бумаги, он поднял взгляд, чужой, строгий.

— Ты за это время в «Ударнике» бывал? — спросил он.

— Нет, Дмитрий Максимович. Мне там пока делать нечего.

— Как так нечего? Выполнили план на шестьдесят процентов — и замерзли на этом? За пять дней хоть бы на единицу в сводках прибавили!

— Дмитрий Максимович! — осмелел Сергей. Он шел на душевный разговор, но раз секретарь райкома сам хочет спору — пусть! Он не спасует! — Там все выкошено. Остальное заросло кустарником. Косить больше нельзя...

— План спущен, его надо выполнить. Иль для тебя государственный план — филькина грамота?

— Пересматривать эти планы нужно... — начал Сергей, но Горновой поднялся, вышел из-за стола и, веско роняя слова, произнес:

— Мой тебе совет: выбрось из головы фантазии. Не до воздушных замков. С нас сейчас (слышишь: сейчас!) требуют выполнения планов. Не на будущий год, не через три года — сейчас! Немедленно поезжай в колхоз!..

В жарком шевиотовом костюме вышел Сергей под горячее июльское солнце и остановился у крыльца райкома в растерянности. Что случилось? Был человек — душа нараспашку... Подменили. Голос сухой и резкий, а взгляд!.. Словно заслонка за глазами — в душу не заглянешь. Непонятно. Чудо! Безобразное чудо!..

А никакого «безобразного чуда» не случилось. Все вышло очень просто.

Шлют сложные комбайны, шлют сложные косилки, шлют трактора. А не секрет, часто случается: хлеб, сжатый серпами, везут молотить на комбайн. Хорошо, если молотить... Наполовину, да в работе машина. Бывает и иначе. Перебирается такой комбайн с одного поля-пяточка на другое и застрянет среди леса. Куда там везти сжатый хлеб, стоит комбайн мертвым грузом, пока вызванный за сорок километров из МТС трактор не вызволит его из беды. Пора поднять бунт против тех, кто равнодушно относится к зарастающим кустами лугам, к клочкам полей, стиснутых лесами, к бездорожью, губящему машины!

С этими мыслями Горновой прибыл в обком партии. С ними он выступил на расширенном заседании бюро, хотя повестка дня, казалось, была далека от этих вопросов. Обсуждали ход работы на сеноуборке, затрагивали вопросы воспитания кадров, обсуждали метод руководства через уполномоченных.

— Смешно сказать: мы беспомощны перед простым сосновым пнем. Во всем районе нет куска стального троса, чем можно бы зацепить его, — говорил с трибуны Горновой.

В огромном, залитом через обширные окна солнцем кабинете секретаря обкома сидело много партийных работников из таких же лесных районов. Они одобрительным гулом встречали слова Горнового.

Секретарь обкома в заключительном слове ответил:

— Горновой требует, и справедливо требует, не спорим, стальные тросы. У нас в области есть запасы таких тросов, но предназначаются они для сплава. Может ли обком партии распорядиться выдать их Горновому? Нет, не может! Выдать трос Горновому — значит выдать его Козлову, и Акиндинову, и другим секретарям райкомов. Сплав окажется под угрозой. Мы не можем оставить сотни строек без леса. Горновой просил: помогите достать, помогите пустить машины... Но, товарищ Горновой, на то ты и коммунист, чтоб побеждать трудности. А ты их испугался! Да, испугался! В колхозах Малое Плесо не скошено на сегодняшний день более двух тысяч гектаров. Ты прикрываешь критикой свое бессилие. Позор!..

Секретарь обкома говорил, как всегда, со спокойной властью, каждое слово его тяжело падало в зал. Все,

кто прежде одобрительным гулом поддерживал Горного, теперь виновато поеживались.

И все же на следующий день Горновой пошел в областную сплавконтору.

Директор конторы, рослый мужчина, с густым басом истинного сплавщика, сочувственно кивал головой:

— Понимаю, понимаю, сам из крестьян, у самого душа за колхозы болеет... Не скрою, маленькую толику из запасов и могли бы выделить. Но маленькую... Только ведь вот дело-то какое: дай вам тросы — приедут из Борщоговского района, из Фоминского, будут уже не просить, а требовать: мол, мы тоже не рыжие. Вы принесите-ка из обкома бумажку. Пусть два слова черкнут. Дадим...

Горновой ушел ни с чем. После выступления секретаря обкома не могло быть и речи о такой бумажке.

Тросов нет, сеноуборка затягивается, обком недоволен работой райкома, и те горячие мысли, то решение — требовать и настаивать — мало-помалу сменилось у Горного чувством неловкости, досады на самого себя: «Кого послушал? Кажется, старый конь, объезженный — и на вот: мальчишка вскружил голову!»

Вернувшись, он сразу же сел за сводки. Во всех колхозах косьба и стогование двигались медленно, но в «Ударнике» за эти пять дней, что он отсутствовал, вовсе не двинулись с места. Не скошено ни одного гектара!..

Как раз в это время и пришел Сергей. Горновой не мог с ним иначе разговаривать. Он еще сдерживал себя, чтоб не раскричаться, оставшись один, долго шагал по кабинету, не мог успокоиться: «Мальчишка! Фантазер! Теперь буду держать тебя на прицеле!..»

Знакомой дорогой Сергей шел в колхоз «Ударник». Как и в прошлый раз, стоял жаркий день, солнечные зайчики бегали по белым стволам берез. Так же пахло грибной сыростью, перепревшей хвоей. Тот же лесной покой окружал Сергея... Но не было на душе прежней легкости, уже не чувствовал он в себе неясной силы.

Петр Данилович встретил Сергея, как старого приятеля, застенчивой улыбкой на лице.

— Отдыхаем пока. Косы на стенки повесили. Все выкошено, под гребешок, — с наивной доверчивостью сообщил председатель.

И Сергея передернуло в душе.

— Что-то придумать надо, — сказал он сдержанно. — План-то не выполнили.

— Да уж что придумывать, хоть лоб расшиби, не придумаешь, — все с той же наивностью возразил ничего не подозревавший Петр Данилович.

— Между кустами надо траву выкашивать.

— Выкошено, верь слову, где только косой можно махнуть, все выкошено.

Петр Данилович, невысокий, в чистой косоворотке, низко, почти по бедрам, подпоясанной узким ремешком, сидел на стуле перед Сергеем, глядел светлыми, честными глазами: «Ей-ей, что ж это ты?.. Неуж не веришь? Ведь я перед тобой, как на исповеди».

«В райкоме считают: раз послали — действует, не сидит сложа руки, — думал Сергей. — До конца сенокосов здесь жить придется. А что делать? Заниматься-то чем?... Бездельничать?... Это страшно! Страшнее всяких бюро, всяких нагоняев!.. Нет, надо действовать, чем-то заниматься!»

— План-то не выполнен, — упрямо повторил он.

«Нельзя признаваться, что план невыполним, нельзя! Этот же Петр Данилович упрекнет тогда: в собственном бессилии расписался... Что делать? Как действовать?».

Сергей не глядел в глаза председателю.

— Выполнить надо. Косами негде размахнуться — придется за серпы взяться. Серпами срезать траву между кустов.

У Петра Даниловича изумленно поднялись брови.

— Серпами?.. Помилуй... Много ли серпами возьмем?

— Всех до единого в колхозе поднять придется!

— Пусть всех. Это по кустам лазить, по горсти траву собирать. Ну, много ли насобираем?.. Труда уйма, пропасть трудодней выбросим, а пользы?..

Сергей сам хорошо понимал, что серпы на сенокосе — соломинка утопающему. Прав председатель, нельзя возразить ему, но возразить надо, иначе зачем он приехал сюда? И Сергей со всего размаха стукнул кулаком по столу:

— Что за рассуждения?! Бойтесь переработать?.. Пустопорожними разговорчиками председатель развлекается! С нас требуют выполнения плана! Не на будущий год, не через три года!.. Сейчас!

Бухгалтер в картузе, шуршавший за своим столом бумагами, притих. Петр Данилович с минуту изумленно мигал желтыми короткими ресницами, потом уставился в пол.

— Вам видней, — сказал он казенным голосом.

Надо чем-то заниматься, надо действовать. Остановись, раздумайся — и опустятся руки.

Он обманывал сам себя. Выводил народ с серпами, с утра до вечера пропадал на покосах, лазил по кустам, придирался раздраженно к каждой мелочи... И чем больше убеждался в бесполезности дела, тем сильнее развивал деятельность. Приказывал, повышал голос, стучал кулаком и не терпел возражений. От простого колхозника до председателя все стали его бояться.

Остановись, раздумайся — и опустятся руки... Но нельзя же приказать себе: не думай! Часто по ночам он долго не мог уснуть от мыслей.

«За серпы ухватились — крохоборство!.. А в чем зло? Мелиоративные машины в наши края не заслали?.. Нет, это не главное. Здесь и без того много машин стоит... С министерских стульев не так-то просто разглядеть нашу нужду. Подсказать нужно, может, убеждать, доказывать пришлось бы... Горновой поехал в область, и где-то там все уперлось в глухую стену. Не захотели, видно, убеждать и доказывать. Привыкли работать по принципу: сверху виднее, прикажут — выполним. Плохой принцип, старорежимный! Не капиталистическое предприятие, где ступенька за ступенькой лесенка вниз спускается: хозяин приказывает управляющему, управляющий — десятнику, десятник — рабочему. Дело-то общее, мы все в нем на равных правах хозяева. Обком отказался выслушать Горнового, Горновой — меня, а мне остается... не слушать Петра Даниловича. Вот где зло — лесенка! Прими все до единого близко к сердцу нужды хозяйства — вышли б из беды, раскорчевали, очистили, машины пустили, серпы забросили... Нашли б выход!»

В такие ночи у Сергея появлялось желание написать обо всем в ЦК. Но утром обычно появлялась неуверенность: «Обком же молчит! Выскочил, скажут, поперед батьки... Куда уж...» И снова вместе с колхозниками лазил по кустам, приказывал, настаивал, повышал голос.

Пора сенокосов прошла.

С камнем на сердце Сергей поднимался в кабинет к Горновому. Сейчас должны начаться упреки: «Для украшения тебя в колхоз посылали, не выполнил, не организовал...»

Но Горновой встретил его не то чтобы дружески, по-старому, но спокойно, деловито.

— Вот видишь, все хорошо. Твои подшефные план почти выполнили, — сообщил он.

Сергей застыл от удивления. Уж кто-кто, а он-то знал, что «Ударник» выполнить не мог. Серпы — не спасение.

— Вот она, последняя сводка, — протянул секретарь райкома лиловую бумажку.

Сергей взял ее в руки, пробежал цифры: «Что за чудо! Уж не серпами ли они смахнули эти четыреста гектаров?.. Но такому чуду и ребенок не поверит...» Он поднял с бумаги глаза, хотел возразить, но тут встретил настороженный взгляд Горнового. И Сергей ничего не сказал, он положил на стол сводку и, подавленный, растерянный, чувствуя за спиной все тот же настороженный взгляд, вышел.

Он понял. Чуда нет. Бухгалтер колхоза, тот самый незаметный, сумрачный человек, не снимавший за столом даже в самый жаркий день картуз, поставил на сводке цифру. Петр Данилович подписал ее. Кто пойдет проверять в глушь лесов, кто решится облазить и вымерять все заросшие кустами луга, подсчитать застогованное сено? Обмакнуть перо в чернила, вывести цифру — это так легко, просто и совершенно безопасно. Зато не будут таскать на бюро, на исполкомы, кричать о невыполнении, угрожать привлечением к ответственности за срыв плана. Надо бы во весь голос крикнуть: «Фальшь!» Но настороженный, замкнутый взгляд Горнового предупредил Сергея. Горновой сам, кажется, догадывается и не возмущается, не кричит... Понятно: крикни — будут вызовы в обком, упреки в областной газете, разносы на совещаниях. Уйма неудобств, выгоднее скрыть, ибо это всего-навсего догадка. А догадка еще не факт. Это факт скрыть — преступление!..

В этот вечер Сергей долго не мог уснуть. Лежал дома на кровати, перебирал книги. «Луговое хозяйство», «Почвоведение», «Агробиология» — все они были для Сергея умные, старые товарищи. Выходя из института, он наивно

думал, что они станут в будущей работе лучшими помощниками. Они ему сейчас не могут помочь.

Не выходил из головы бухгалтер, росчерком пера поставивший страшную цифру... Да, страшную!.. По этой цифре на будущий год будет спущен план поголовья скота, который надо кормить настоящим, а не фиктивным сеном... План мясопоставок, план сдачи молока — все упирается в эту цифру! Написанная лиловыми чернилами по лиловой шершавой бумаге — сколько вреда принесет колхозу эта цифра!

Сергей оказался на виду у райкома. Началась уборка, его снова послали в колхоз «Ударник». Снова Сергей подгонял, требовал... Осенью, в серенький день, когда сквозь слезящиеся окна в кабинет Горнового заглядывали мокрые пустые галчиные гнезда, бюро вынесло решение: рекомендовать агронома Княжнина председателем в колхоз «Ударник».

Плетушку сильно раскачивало на залитой жидкой грязью дороге. Сергей и Тулупов сидели, тесно прижавшись друг к другу. Тулупов держал на коленях мокрые вожжи, причмокивал на жеребца и по обыкновению наставлял:

— Руководство через уполномоченных — порочный метод. Надо подбирать кадры в колхозах. Ты специалист. Тебе и карты в руки...

Об этом писали в газетах, об этом говорили на каждом совещании и вчера на бюро повторяли: «Надо укреплять кадры на местах. Ты специалист, тебе и карты в руки...»

— Карты в руки, а козыри в них выбраны, — глухо, в воротник, возразил Сергей.

Тулупов удивленно поглядел на злое лицо своего спутника и вздохнул:

— Непонятный ты человек...

Сергей не ответил. Он зябко поежился и глубже спрятал лицо в поднятый воротник пальто. Летел мелкий дождь.

«Где уж тебе понять, — думал он. — Вот кончил институт, имею диплом и боюсь идти председателем... Машины стоят. Серп да коса в обиходе!.. Внедряй науку, товарищ агроном, но особо не требуй — обрежут! Вот

тебе и карты в руки!.. Карты дали, а козыри вынули. На верный проигрыш идешь ты, Сергей...»

Он снова, который уже раз, представил себя на месте Петра Даниловича. К нему станут приезжать такие вот Тулуповы, начнут наставлять: «На технику обрати внимание...» или — хуже того — стучать кулаком, как он сам стучал...

«Что делать? Что делать? Как отказаться?.. Не откажешься — член партии, специалист, тебе и карты в руки... Может, сами колхозники не захотят, одна надежда...»

С этой надеждой и приехал Сергей в колхоз на общее собрание.

Тулупов, подставив под лампу младенческий пушок на лысеющей голове, долго и скучно внушал тесно набившемуся в комнату народу, какой хороший человек Сергей Княжнин: «Товарищ Княжнин имеет законченное высшее образование... Товарищ Княжнин — специалист...»

Люди молчали. В дальних углах, куда не доставал свет лампы, поднимался махорочный дым. Петр Данилович, старый председатель, виновато сидел в президиуме. Сергей старался не глядеть на людей: по их молчанию он чувствовал, его здесь не любят. Тяжело было сидеть на виду у всех.

Тулупов отговорил положенное время и с достоинством сел на свое место.

Петр Данилович приподнялся:

— Кто хочет слова?

С минуту стояла тишина, и вдруг из угла, где висел махорочный дым, прогудел мужской голос:

— Не же-е-лае-ем!

— Что?! — поднял голову Тулупов.

— Не надо нам Княжниина!

— Товарищи, товарищи! — суетливо застучал по столу Петр Данилович — Не нарушайте порядок!

— Пусть лучше Данилыч остается!

— Слова доброго не услышишь от него. Все криком!

— Товарищи! Товарищи! — стучал Петр Данилович.

— Не жела-а-аем!

Сергей сидел в президиуме, на почетном месте. Он низко пригнул голову к столу. Мелко-мелко задрожали руки, он поспешно спрятал их на колени, ладони покры-

лись липким потом. «Провалиться бы сквозь пол, исчезнуть...»

Несмотря на долгие и томительные уговоры Тулупова, что надо вести себя организованно, выступать никто не захотел. Тогда Тулупов сам стал председательствовать.

— Раз никто не хочет выступать, будем голосовать. Поднимите руки, кто против Княжнина.

Ни одна рука не поднялась. Тяжелая тишина стояла над головами тесно собравшихся в комнате людей.

— Никого?.. Кто — за?

И снова не поднялось ни одной руки.

— Ну, тогда кто воздержался?

Люди не шевелились.

Снова раскачивающаяся плетушка, чмоканье лошадиных копыт по грязи, густая и сырая темень осеннего вечера.

Сергея знобило, он старался плотнее закутаться в грубый плащ, накинутый поверх пальто. Тулупов начал было разговор:

— Не может понять народ... Предлагают специалиста...

Но Сергей сквозь зубы процедил:

— З-замолчи!

Тулупов испуганно смолк.

Сергей кусал губы, чтоб не застонать от страшной сбиды, от унижения. Он хотел, чтоб не выбрали! Хотел сам!.. До чего дошел! Прибыл сюда человек человеком — с партбилетом в кармане, с государственным дипломом... Думал научить людей, показать им: «Нет плохой земли, есть плохие хозяева!» Ждал: руки по локоть запустит в колхозную землю! Счастье надеялся добыть людям... Но люди-то отвернулись: «Слова доброго не услышишь! Все криком!» Отвернулись! Не нужен!.. Докатился! Позор!

Утром он, бледный, осунувшийся и решительный, вошел в кабинет Горнового, уселся, заговорил спокойно и холодно:

— В новом Уставе партии вместо «имеет право критиковать» сказано: «обязан критиковать». Слышите, Дмит-

рий Максимович? Обязан!.. В нашем районе неблагополучно. Мы молчим. Отчего? Обком не поддержит? Боимся, толщу бюрократизма не прошибем?.. Партконференция скоро. Воевать надо! Коммунисты поднимутся. Тулуповых немного. Нужно — до ЦК дойдем!.. Надо воевать! Под лежац камень вода не течет!.. А на чьей стороне вы будете, товарищ секретарь райкома?

Нагнув голову, Горновой молча слушал, тяжело, исподлобья глядел мимо Сергея.

